

— В августе в Севастополь мне на смену приехала баба Тоня и осталась с Митей, а мы с дедом и Ириной уехали в Калининград, хотя мой отпуск ещё не кончился. Отец собирался завершить окончательно обмен. Выбор был сделан: трёхкомнатная квартира на Грига.

— Сашуля же с нетерпением ждала меня, чтобы завершить начатый ею без нас долгожданный ремонт, к которому я относился безо всякого энтузиазма. До сих пор я сколько мог оттягивал это мероприятие, справедливо приравняемое (наряду с переездом) к стихийным бедствиям, ссылаясь на занятость докторской и на неподготовленность нашу к ремонту в смысле отсутствия необходимых материалов. Но притащив из Москвы обои я сам обрёл себя на неизбежное скорое начало эпопеи, ибо половая краска и белила были уже закуплены Сашулей, лето кончалось, а откладывать ремонт ещё на год Сашуля ни за что бы не согласилась, так как считала, что мы живём в до неприличия (на её взгляд) запущенной квартире.

— Вернувшись из Севастополя, Сашуля, охваченная энтузиазмом, в одиночку побелила потолки. Мы с дедом приехали к торжественному моменту сдирания старых обоев. Кое-где они легко отвалились, но во многих местах держались мёртво, мало помогало и обильное смачивание горячей водой. Однако я упорствовал и ободрал всё до штукатурки. Деда же ещё в Севастополе прихватил радикулит, и он поначалу никакого участия в ремонте не принимал, отлёживаясь на диване посреди всеобщей ремонтной разрухи.

— Оклеивание стен обоями шло у нас с Сашулей очень медленно, поскольку такую операцию мы проделывали с ней впервые. Зато результат становился виден сразу, стены хорошели на глазах, воодушевляя нас на дальнейшие подвиги. А тут ещё Коренькова появилась и рьяно взялась нам помогать, с её расторопностью дело пошло намного быстрее. Правда, потом, зимой уже, в Иринкиной комнате, где мы клеили с Кореньковой, обои начали трещать и возле труб отопления отходить от стен, так что пришлось их дополнительно подклеивать, но это мы отнесли на счёт больших перепадов температуры.

— При покраске оконных переплётов я шибко нервничал и чертыхался, когда краска затекала или брызгалась на стекла, так что Сашуля отстранила меня от этой тонкой работы и проделала её почти всю сама, а мне досталось что попроще - двери. На этой стадии подключился к работе и дед, тоже помазав кое-где кисточкой, очень тщательно по своему обыкновению.

— Для ускорения покраски пола и вообще для удобства Сашуля приобрела специальный валик. Этот валик меня совершенно извёл ибо вскоре стал оставлять в краске какие-то свои лохмы, которые мне то и дело приходилось удалять со свежеразкрашенных мест, на что тратилось всё выигранное время. К счастью, валик в конце концов и вовсе развалился, и я благополучно завершил покраску пола традиционной широкой плоской кистью.

— А с тем и весь ремонт кончился. Ура!

Кончился ремонт, но кончился и отпуск. А у меня осталась нереализованной одна задумка, которую я начал вынашивать ещё в Севастополе. Дело в том, что, роясь как-то среди неинтересных книжек, продававшихся прямо на улице, на углу Приморского бульвара и площади Нахимова, я обратил внимание на небольшую брошюрку под названием "Современная снасть" стоимостью 15 копеек. Не задумываясь долго, я купил её не столько с целью пополнить свою рыболовную библиотечку, сколько просто почитать в общественном транспорте. Начав же читать, я увлёкся этой книжкой как детективом.

Автору удалось убедить меня, что описываемая им поплавочная снасть обеспечивает а) сверхдальний заброс; б) сверхвысокую чувствительность к поклёвке; в) надёжность при вываживании крупной рыбы; и я загорелся соорудить себе такую, тем более, что наиболее дорогостоящая часть этой системы - безинерционная спиннинговая катушка - у меня имелась, подарил давно уже Серёжа на день рождения, а применения ей не находилось. Требовалось, правда, ещё телескопическое удилище, которого у меня не было, но они

имелись в продаже в Калининграде (почему-то в отделе "Подарки" универмага "Спутник" и только там) и особым спросом вроде бы не пользовались.

—Вернувшись из Севастополя в Калининград, я первым делом приобрёл себе такое удилище. Ремонт не давал мне заняться новой снастью, и пришлось соорудить её уже после отпуска в кирхе, где меня консультировал Гаврилыч - Игорь Печейкин, наш штатный умелец - золотые руки. Наиболее сложным делом было изготовление съёмных пропускных колец разного диаметра, но надо отдать должное автору брошюры - технологию их изготовления как и всей снасти он описал очень подробно и толково, так что оставалось только следовать описанию. Не обошлось, конечно, без накладок и переделок, но в конце концов всё получилось в полном соответствии с описанием. Удилище укорочено на два колена (с пяти до трёх метров), отбалансировано свинцовой заглушкой в комле, удобная рукоятка, гнездо для катушки снабжено пружинным фиксатором.

—Но главное - поплавок! Самое оригинальное во всей снасти. Нижняя часть - веретенообразной формы, длиной 10 см, из пенопласта. В неё посажена на клею игла из бамбуковой щепы длиной в 30 см, каждая треть которой покрашена своим цветом: красным, белым, чёрным. Поплавок скользящий, то есть свободно передвигается по лесе, пропускаемой через просторное ушко в нижней его части. При закидывании поплавок опущен к основному грузилу граммов в 30 типа "оливка", а в воде всплывает к фиксатору глубины на леске. Ниже основного грузила крепится дополнительное - дробинка. Грузила и поплавок отрегулированы так, чтобы поднятие дробины вызывало всплытие поплавка на треть его иглы, даже если оливка при этом не переместилась. В общем, всё как в инструкции. Осталось провести натурные испытания.

—На Нижнем озере я тренировался забрасывать свою снасть. До этого мне ни разу не приходилось пользоваться безинерционной катушкой, обещающей забросы без бороды, то есть без спутывания леси в чёрт те что, с чем потом возишься полчаса, если терпения хватает. Действительно, леси не "бородилась", но дальность и точность заброса на первых порах, мягко говоря, оставляли желать лучшего. Однако уже к концу первой тренировки кое-что стало получаться, и мне удалось несколько раз закинуть груз на середину озера и полюбоваться гордо торчащей оттуда, как маяк, трёхцветной иглой моего уникального поплавка.

—Испытать снасть в деле я попробовал сначала на Полесском канале у Головкина, куда мы поехали на мотоцикле с Серёжей и Смертиным. В этот раз на канале было довольно сильное течение и снасть приходилось часто перезакидывать, хотя катушка и поплавок позволяли отпускать груз и насадку метров на пятьдесят, так что в забросах я натренировался и преуспел. А вот поклёвок практически не было, вытащил одного окуня и плотвицу, да один раз вроде бы кто-то приличный хватал, если не зацеп был. И всё. Вся рыба, видать, держалась у берега, и Серёжа со Смертиным обыкновенными удочками натаскали обычную для Полесского канала норму штук по тридцать плотвиц да густёр на каждого, да по паре приличных подлещиков.

—Но я не огорчился и утешал себя тем, что моя новая "современная" снасть должна оправдать себя на стоячей воде. Ведь создавалась она на Украине для ловли преимущественно карпов из ставков. А подходящие водоёмы со стоячей водой вскоре были открыты нами с Серёжей как неизведанные ещё места для рыбалки, давно освоенные, впрочем, местными и калининградскими рыбаками-любителями. Серёжа с Кондратьевым были там один раз как-то ещё в прошлом году и видели на их глазах пойманных лещей. Сами, правда, поймать ничего не сумели.

—Водоёмы эти представляли собой глубоченные карьеры в Озерках, в тридцати километрах от Калининграда на восток, не доезжая километров восемь до Гвардейска, в пойме Прегеля. В карьерах этих ещё при немцах добывали песок, пара из них оставалась действующими и по сю пору, обеспечивая песком завод ЖБИ в Озерках. Все эти карьеры имели причудливую форму береговой линии, канавами и каналами сообщались между

собой и с Прегелем. Глубина в них якобы достигала двадцати метров на середине, что было практически невозможно проверить. А вот у берега на расстоянии длины удилица (4-5 метров) глубина была около 4-х метров, причём в воду берега обрывались очень круто, будучи в верхней части своей глинистыми, так что даже в высоких болотных сапогах зайти в воду, чтобы забросить подальше удочку, не везде было возможно.

— В первый же наш с Серёжей приезд как-то вечером после работы на разведку на ближайший к шоссе карьер мы увидели на берегу одинокого рыболова с двумя тривиальными удочками. В садке у него наличествовали два крупных леща и здоровенная чехонь. Ловил он здесь якобы всего два часа. Серёжа тут же бросился разматывать удочки и пристроился ловить рядом с мужиком. Я же решил походить по берегу, осмотреть места и опробовать свою снасть, которую я взял с собой.

— Был тихий августовский вечер, солнце опускалось к горизонту, гладь озера чуть-чуть рябилась местами от небольшого ветерка. Обстановка для моей снасти идеальная. Поплавок смотрелся с расстояния метров в двадцать как игрушечка. Закидывать я мог куда хотел. Я решил исследовать глубину карьера с помощью своей снасти и выяснил, что на максимальной длине заброса (метров тридцать от берега) глубина около восьми метров и плавно уменьшается к берегу. Это было плохо - непостоянство глубины по площади требовало при перемене места заново устанавливать фиксатор поплавка, а на какой глубине рыба держится - кто ж её знает.

— В манипуляциях со своей снастью я и провёл остаток вечера, за который мужик поймал ещё двух лещей, и у Серёжи якобы тоже сошёл лещ или что-то такое крупное. У меня поклёвок не было, но один раз, когда я подматывал снасть, чтобы перезабросить её, у самого берега на моего червя с ходу кинулся довольно крупный окунь и сорвался с крючка в воздухе.

— Хотя мы с Серёжей в тот раз ничего и не поймали, но разведкой остались довольны. Ясно было, что рыба здесь есть, и крупная. Добираться удобно, не так далеко как Головкино, на мотоцикле можно подъехать к самому берегу. Хотя и нечасто, но ходят в Озерки и автобусы (рейсы Калининград - Гвардейск через Озерки), и останавливаются два или три поезда (а вообще-то через Озерки проходят все поезда дальнего следования). И я надеялся, что именно здесь моя "современная" снасть покажет себя.

— И всю осень, до декабря, мы с Серёжей, а потом и со Смертиным, упорно осваивали Озерки и никуда больше не ездили. Но, увы, снасть моя, привлекавшая своим внешним видом и особенно поплавком всех окрестных рыболовов, не оправдала моих надежд и затрат на её изготовление. Так я на неё там ничего путного и не поймал.

— А вот на обычные удочки у берега с глубины в четыре метра изредка попадались лещи, крупная плотва, окуни, но помалу. Больших удач у нас не было, хотя в расчёте на них я даже приобрёл подсачек, до сих пор обходился без него. Здесь же без подсачека вытащить леща на крутом скользком берегу было почти невозможно.

— Ловля в Озерках спокойная, удобная. Сидишь на сухом чистом берегу и ждёшь поклёвки. Глядишь, раз в час чего и клюнет. С червями очень удобно: хороших навозников можно собирать прямо тут же на берегу под старыми коровьими лепёшками. Если ветер, всегда можно найти укромное местечко с подветренной стороны, так что никакая волна не мешает.

— Но особенно запомнились частые мощные всплески, скорее даже удары по поверхности воды крупной рыбы, гонявшей многочисленные, в карьерах стаи уклейки. Поначалу мы с Серёжей думали, что это щука или судак, и Серёжа, услышав этот бой, как по сигналу набата сразу хватался за спиннинг и лихорадочно начинал метать блесну, пытаясь попасть в то место, где только что ударил хищник, но всё безрезультатно. То есть попадать-то он иногда и попадал куда надо вроде бы, но никто его блесну не хватал.

— А позже мы узнали от местных, что это - знаменитый жерех или шереспёр (помню, впервые мне это наименование встретилось ещё в школьные годы у Чехова в "Злоумышленнике", но я не думал тогда, что это реально существующая рыба, и что

шереспёр и жерех - одно и то же), которого много в карьерах, но который ни на что не берёт, разве что весной иногда на донки случайно попадает, на блесну же никогда не реагирует. Так я пойманного жереха и не увидел.

—А щуки в карьерах тоже водились, но особенно много было их в канавах, пересекающих низины вокруг карьеров. Видел я, как они гонялись друг за другом, видел, как одна заглатывала другую, чуть поменьше, тыкая в берег торчащим из пасти хвостом жертвы, и даже пытался эту щукоедку накрыть корзиной, с которой отправился за опятами, но ничего не вышло. Я за щуками не охотился, а Серёжа неоднократно пытался изловить хоть одну, и наконец, как-то уже поздней осенью на одном из дальних карьеров ему удалось подцепить на блесну щуку килограмма под два весом. Щуку эту я ему помог вытащить на берег, подхватив её подсачеком.

—Перед этим у него было несколько зацепов, на которые он реагировал как на поклёвки, и я каждый раз потешался над его разочарованным видом, когда он вытаскивал из воды очередную корягу. И вот его упорство оказалось вознагражденным, Серёжа торжествовал. Та рыбалка запомнилась мне ещё тем, что я не взял с собой проолифенку, и часа три пришлось провести под дождём в том самом папином пальто, в котором я в полынье плавал. В этот раз я промок почти так же, только что ноги были сухие.

—Помимо карьеров в окрестностях Озерков оказалось ещё и множество лесных неглубоких озёр, в которых ловят некрупную краснопёрку. Лесные участки там несимпатичные - заболоченные и дремуче заросшие, но опять на них в тот сезон уродилось, видимо, много. Мимо нас, упрямо и уныло сидевших на берегу в ожидании поклёвок, по выходным с утра проходили местные жители куда-то в сторону зарослей, которые и лесом-то трудно назвать, а через два-три часа возвращались с полными корзинами опят.

—Наконец, и я решился попытать своё грибное счастье, взял с собой на рыбалку корзину и, убедившись, что особого клёва опять не предвидится, отправился на разведку в окрестные заросли. Однако даже добраться до них оказалось не простым делом, путь то и дело преграждали многочисленные канавы, заполненные водой, заболоченные участки. Местные-то ходили по известным им тропам, а я попёрся напрямки. Измучился, пока добрался до леса, и там в зарослях весь изодрался, а опять не нашёл. Попалось лишь несколько переростков - видать, прозевал момент, отошли они уже. А может, просто не вышел на места.

—Поздней осенью, когда лещ уже совершенно не брал, отойдя в свои зимние ямы, мы с Серёжей и Смертиным (иногда к нам подключался ещё и Лёня Захаров) обходили карьер за карьером, пробираясь к самому Прегелю через непролазные грязи в поисках крупной плотвы, которая по рассказам местных рыбаков в это время где-то тут якобы хорошо ловится. Но лишь один раз Лёня со Смертиным на такое место напали и поймали штук по 15 действительно крупных плотвин. Меня тогда с ними не было. А все последующие попытки повторить это достижение успехом не увенчались. И в скором времени наша вера в возможности приличной ловли на карьерах заметно поиссякла, хотя дело было, конечно, в нашем слабом знании местных сезонных и региональных особенностей.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)